

На правах рукописи

Баженова Жанна Михайловна

**ЭТНОГЕНЕЗ
И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РЮКЮСЦЕВ**

Специальность 07.00.07 — «Этнография,
этнология и антропология»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владивосток – 2006

Работа выполнена в отделе этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока ДВО РАН

Научные руководители кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Тураев Вадим Анатольевич
доктор исторических наук, профессор
Ларин Виктор Лаврентьевич

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор
Коновалов Прокопий Батюрович
кандидат исторических наук, доцент
Филимонов Алексей Геннадьевич

Ведущая организация **Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН**

Защита состоится 27 декабря 2006 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 005.010.01 при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Автореферат разослан «___» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Сухачева Г.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Диссертационное исследование посвящено малоизученным в отечественной науке проблемам этногенеза и этнической истории одной из этнических групп современной Японии, известной в этнографической литературе как рюкюусцы. Традиционно Япония считается одной из самых этнически гомогенных стран в мире. Согласно официальной статистике 99% населения страны являются японцами и говорят на японском языке. Однако по мере того как Япония становилась все более открытой страной, такая точка зрения становилась далеко не бесспорной. Это вынуждены признавать в последние годы и сами японские исследователи. Признание гетерогенного характера японского общества и японской культуры, поиск новых подходов к их изучению становится в новых условиях одной из приоритетных задач японоведения. В частности, обращение к проблеме этногенеза и этнической истории рюкюусцев может расширить методологические границы дискурса, вывести их за рамки магистральной идеи об этнокультурной гомогенности японского общества.

Актуальность изучения этнической истории рюкюусцев в значительной мере обусловлена и общим усилением внимания общественных наук к этнической проблематике, вопросам сохранения и трансформации материальной и духовной культуры этнических общностей.

Поскольку территория формирования и развития рюкюусцев издавна являлась своеобразной контактной зоной между материком, Японией и островным миром Юго-Восточной Азии, изучение их этнической истории позволяет проследить пути расовой и этнической миграции народов Азиатско-Тихоокеанского региона.

Актуальность этнографического изучения рюкюусцев обусловлена, наконец, и чрезвычайно слабой изученностью их истории и культуры. В нашей стране они никогда не были объектом комплексного этнографического изучения. Эпизодические упоминания о них в путевых заметках путешественников, общие сведения в немногочисленных работах отдельных исследователей — практически все, что накопила к сегодняшнему дню отечественная историография об этой своеобразной этнической группе. Этими обстоятельствами и обусловлен выбор темы диссертационного исследования.

Степень изученности проблемы. Специальных исследований, посвященных этногенезу и этнической истории рюкюусцев в отечественной науке нет. Наиболее известным российским исследователем рюкюуского народа остается Н.А. Невский (1892—1937). Особая заслуга принадлежит ему в изучении диалектов и этнографии архипелага Рюкю. К сожалению, большинство материалов ученого до сих пор хранятся в его рукописном архиве¹. Единственная публикация — сборник

¹ Архив ИВ РАН, СПб филиал, фонд № 69, опись № 2.

«Фольклор островов Мияко» (составитель Громковская Л.Л.)², в котором представлены песни, сказки, загадки, пословицы, записанные в 20-х годах прошлого столетия.

Весьма полезный для изучения этнической истории рюкюсцев материал содержится в историко-этнографическом очерке Ю.В. Ионовой «Рюкюсцы». Автор определяет их как особую «этнографическую группу, в прошлом представлявшую близко родственную японцам народность»³, приводит краткие сведения об особенностях их культуры, хозяйства и быта. Ей же принадлежат небольшие статьи о рюкюской коллекции в МАЭ РАН, собранной П.Ю. Шмидтом, проблеме заселения островов, а также рецензия на книгу Глакена К. «Большое Лючю. Изучение жизни окинавской деревни»⁴.

Проблеме происхождения рюкюсцев на материалах их песенно-танцевального искусства посвящена содержательная статья Р.Ш. Джарылгасиновой. Рассматривая народные танцы и песни рюкюсцев как «зеркало их быта, чувств и чаяний»⁵, автор справедливо отмечает, что определенные черты искусства, быта, народных обычаев (рисунок танца, жесты актеров, детали старинного костюма и др.) указывают на длительные этнокультурные связи островитян с малайско-полинезийским миром, с другой стороны, прослеживаются явственные параллели с корейскими традициями.

Ценные материалы, проливающие свет на некоторые аспекты этногенеза рюкюсцев, содержатся в фундаментальной монографии М.Г. Левина «Этническая антропология Японии»⁶. Среди локальных вариантов антропологического типа японцев автор особенно выделяет тип жителей архипелага Рюкю. Его основные признаки, по мнению М.Г. Левина, сближают рюкюсцев с айнами. Проблема этногенеза рюкюсцев частично затрагивается и в монографии В.В. Кожевникова⁷.

Анализу языка Рюкю посвящено исследование С.А. Быковой. Отмечая в нем совпадение ряда элементов в грамматике, фонетике и лексике с японским языком, она приходит к выводу об их восхождении к единому праязыку. Вместе с тем, автор склонна утверждать, что язык Рюкю пусть и родственен японскому, но самостоятельный язык⁸.

Сравнительному анализу особенностей традиционного рюкюского погребального обряда посвящены исследования Е.С. Бакшеева⁹.

² Невский Н.А. Фольклор островов Мияко. М.: Наука, 1978.

³ Рюкюсцы // Народы Восточной Азии / ред. Н.Н. Чебоксаров. М.-Л.: Наука, 1965, с. 936.

⁴ Ионова Ю.В. Народы зарубежной Азии // Советская этнография. 1959. № 5. С. 190—194.

⁵ Джарылгасинова Р.Ш. Танцы Окинавы и... происхождение рюкюсцев // СЭ. 1971. № 5, с. 143.

⁶ Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971.

⁷ Кожевников В.В. Откуда пришли японцы? Владивосток: Издательство ДВГУ, 2001.

⁸ Быкова С.А. Окинаваго: диалект или язык? // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2002. № 3. С. 56—60.

⁹ Бакшеев Е.С. Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй / История и культура Японии. М.: ИВ РАН — КРАФТ, 2001. С. 7—25.

В целом, анализ работ отечественных исследователей показывает их явную недостаточность для решения поставленной проблемы. Более широко вопросы происхождения, истории и традиционной культуры рюкюсцев освещаются в трудах зарубежных ученых. Одним из первых к теме истории и культуры Окинавы обратился японский ученый, выходец с Окинавы Иха Фую, который отстаивал идею об общих предках японцев и рюкюсцев. Он считал, что предки рюкюсцев «спустились на юг» с территории Кюсю¹⁰. Совершенно другой точки зрения придерживается родоначальник японской этнографии Янагида Куню, полагая, что истоки японской культуры, связанной с культурой рисосеяния, надо искать на Окинаве.

Необходимо отметить, что большинство японских ученых долгое время интересовала не Окинава сама по себе, а сходные моменты ее культуры с культурой Японии. В рамках теории об «общих предках» Рюкю позиционировалось как «музей древних японских традиций». Такой подход был продиктован требованиями японской ассимиляционной политики. В ином ключе предлагает взглянуть на рюкюскую историю и культуру Хокама Сюдзэн. По его мнению, культура Рюкю носит многослойный характер с элементами материковой культуры, прошедшей через Кюсю, китайской и японской культур, а также культур «южных» островов¹¹.

Ранним этапам этнической истории рюкюсцев посвящены труды японского историка Митани Масао¹². Рассматривая династическую историю рюкюских королей, он подчеркивал, что Окинава в начале своей политической истории не была частью Японии. Находясь под двойным вассалитетом Китая и Японии, она прошла свой особый исторический путь.

Среди работ по истории Окинавы особое место занимает монография Джорджа Керра «Окинава. История островного народа»¹³, содержащая огромный пласт фактографического материала.

Безусловный интерес в контексте нашего исследования представляют работы, касающиеся антропологических характеристик рюкюсцев. Именно с таких позиций рассматривает проблему их происхождения профессор Ханихара Кадзуро¹⁴. Выдвинутая им гипотеза получила название «модель двойной структуры».

¹⁰ Хокама Сюдзэн. Иха Фую но какумон то сисо: (Учение и концепции Иха Фую) Иха Фую дзэнсю: дайдзюиккан. (Полное собрание сочинений Иха Фую, том 11). Токио: Тоё: инсю, 1976, с. 506.

¹¹ Хокама Сюдзэн. Окинава-но рэкиси то бунка (История и культура Окинавы). Токио: Тю:о:ко:ронса, 1986.

¹² Митани Масао. Харан но Рю:кю: О:тё: (Величие и падение королевской династии Рюкю). Токио: Ко:сайдо сюппан, 1992.

¹³ Kerr George H. Okinawa. The history of an island people. — revised edition. Boston, Rutland, Vermont, Tokyo: Tuttle publishing, 2000.

¹⁴ Hanihara Kazuro. Dual structure model for the formation of the Japanese population // Japanese as a member of the Asian and Pacific populations. International symposium. Kyoto, 1992.

Ханихара предполагает, что наследниками палеолитического человека Окинавы *минатогавадзин* являются люди дзёмон, ведущие свое происхождение из Юго-Восточной Азии. В периода яёй (III до н.э. – III н.э.) отмечается массовая миграция с Корейского п-ва переселенцев, чей антропологический облик сложился в северо-восточных районах материка. Однако, поскольку острова Рюкю представляли в тот период изолированную зону, то здесь не наблюдалось массовых миграций, вследствие чего рюкюсцы во многом сохранили черты древнего населения.

О сложном процессе этногенеза рюкюсцев свидетельствуют данные археологии. Хироэ Такамия¹⁵ на основе анализа керамики, орудий из камня, кости и раковин выделил на Рюкю три культурные зоны: самая северная (острова Амами-осима) находилась под сильным воздействием дзёмонской культуры Кюсю, центральную (острова Окинавы) отличают как заимствованные элементы, так и собственная культурная традиция, на юге (острова Мияко, Яэяма) значительно влияние культур Тайваня, Филиппин, Индонезии.

Важный вклад в решение проблемы этногенеза рюкюсцев вносит работа археолога Асато Сусуму и антрополога Дои Наоми. Проанализировав наиболее значимые из существующих теорий, они сделали вывод, что до конца XII века архипелаг Рюкю был разделен на две культурные сферы почти не связанных между собой: культура раковинных куч Амами и Окинавы и доисторическая культура островов Сакусима. В конце XII в., по мнению большинства японских археологов, эти культуры подверглись внезапной трансформации, положившей начало новой культуре *гусуку*. Асато, однако, считает, что культура *гусуку* начала развиваться еще в XI веке под воздействием торговли между Японией и Сунским Китаем, что, в конечном счете, и привело к формированию рюкюского культурного региона¹⁶.

Определенный вклад в рассматриваемую проблему вносят работы лингвистов, которые анализируют особенности диалектов Рюкю, их происхождение, характер взаимоотношений с японским языком¹⁷.

Необходимо упомянуть также исследования американского этнографа Уильяма Лебра, посвященные окинавской религии¹⁸. Тема шаманства отражена в работах Ёсимаса Икэгами¹⁹. С гендерных позиций рассматривает особенности жреческого культа Сьюзан Сирид²⁰. Типологии социальной организации, особенностям семейно-родственных отношений рюкюсцев посвящено исследование Уэйна Саттлеса²¹. Жизнь окинавской деревни показана в работах американских этнографов К. Глакена, Т. и Х. Марецки²².

Особый раздел в историографии проблемы представляют работы, посвященные этническим процессам после аннексии Рюкю Японией. Особенности японской ассимиляционной политики, отношение окинавцев к проводимым токийским правительством реформам, проблемы государственной и социальной дискриминации окинавцев освещаются в трудах Стива Рэбсона, Кодзай Амэмия, Охама Икуко и других ученых²³.

Политика американских оккупационных властей, масштабное Движение за возвращение Японии, развернувшееся на островах под эгидой представлений об Окинаве как неотъемлемой части Японии, стали темой исследований Киёси Накати и Миюмэ Тандзи²⁴.

Проблемам окинавской идентичности на современном этапе посвящены работы Кодзи Тайра, Мэтью Аллена, Лауры Хэйн, Марка Сэлдена и др.²⁵ Расцвет

¹⁸ Lebra William P. Okinawan religion. Relief, ritual and social structure. Honolulu: Hawaii press, 1966. Он же. The Okinawan shaman / Ryukyuan culture and society. Honolulu: University of Hawaii press., 1964. P. 93–98.

¹⁹ Ikegami Yoshimasa. Local newspaper coverage of folk shamans in Aomori Prefecture / Folk beliefs in modern Japan. Tokyo: Kokugakuin University, 1994. Он же. Миндзоку сю: кё: то сукуи — цугару, Окинава но минкан мико. (Народные шаманы Окинавы и Цугару в свете традиционных верований). Киото: Танко:ся, 1992.

²⁰ Sered Susan. Women of the sacred groves. Divine Priestesses of Okinawa. New York, Oxford: Oxford University press, 1999.

²¹ Suttles Wayne. Problems of cultural history / Ryukyuan culture and society. Honolulu: University of Hawaii press, 1964. P. 57–75.

²² Maretski T. & H. Taira: an Okinawan village. New York — London — Sydney: John Willy and sons, inc., 1966.

²³ Охама Икуко. Колонизация Окинавы Японией в эпоху Мэйдзи и колониальный Тайвань // Матер. междунар. конференции «Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур». 16–17 сент. 2003 г. Ю.-Сахалинск С. 93; Kozy K. Amemia Being “japanese” in Brazil and Okinawa. [Электронный ресурс]: // JPRI Occasional paper № 13, 1998. — <http://www.jpri.org>

²⁴ Nakachi Kiyoshi. Ryukyu — U.S. — Japan Relations 1945–1972 (The Reversion movement, political, economic and strategical issues). Philippines, Quezon-city: Abiva Publishing House, inc., 1989. Miyume Tanji. The second — wave “Okinawan struggle”: towards reversion [Электронный ресурс]: 2003. — <http://www.lib.murdoch.edu.au>

²⁵ Taira Koji. A new approach to Japanese studies at Hosei University: Kokusai Nihongaku (International Japan-Studies) // The Ryukyuanist. A Newsletter on Ryukyu / Okinawa studies. Autumn 2004. № 65. P. 1–2; Он же. Troubled national identity. // Japan minorities: the illusion of homogeneity / ed. by Michael Weiner. London and New York: Routledge, 1997. P. 140–177;

Р. 245–251. Он же. Утинантю ва доко кара кита ка? (Откуда пришли «утинантю»?) // Рюкю симпо 1993. 01.07–1993.02.04.

¹⁵ Хироэ Такамия. Окинава но сэнси исэки то бунка (Доисторические памятники и культура Окинавы) Токио: Дайитисё:бо, 1994.

¹⁶ Асато Сусуми, Дои Наоми. Окинавадзин ва доко кара кита ка? (Откуда пришли окинавцы?). Наха: Бот:аинку, 1999.

¹⁷ Поливанов Е.Д. Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков. — СПб., 1914; Narita Yoshimitsu. Dialect areas / Ryukyuan culture and society / ed. by Allan H. Smith. Honolulu: University of Hawaii press, 1964. P. 31–33; Uemura Yukio. Ryukyuan and Japanese dialects / Ryukyuan culture and society... 1964, P. 35–38; Serafim Leon A. When and from where did the Japonic language enter the Ryukyus? — A critical comparison of language, archaeology, and history / Perspectives on the origins of the Japanese language. Kyoto, 2003. P. 463–475.

современной окинавской культуры, небывалый интерес к ней как в Японии, так и за ее пределами, трактуется американскими антропологами как индикатор трансформации социальных отношений между японцами и окинавцами. Политика идентичности, по мнению Линды Ангст, представляет имплицитно «один из видов сопротивления». Это политика «против японского государства и могущественного мифа о японской культурной гомогенности, против военной власти США»²⁶.

В целом в зарубежной историографии работ по различным аспектам окинавской истории и культуры значительно больше, чем в отечественной. Однако и здесь вопросы, исследуемые в диссертации, никогда не ставились в качестве основной задачи. Преобладают исследования частного характера, посвященные отдельным периодам истории Рюкю. Комплексного исследования особенностей этногенеза и этнической истории рюкюсцев нет. Отсюда вытекают цель и задачи настоящего исследования.

Цель исследования — на основе комплексного использования различного вида источников рассмотреть основные проблемы этногенеза и этнической истории рюкюсцев.

В соответствии с целью в исследовании решаются следующие **задачи**:

- 1) на основе анализа концепций отечественных и зарубежных исследователей этногенеза рюкюсцев определить популяционное ядро, вокруг которого сложилась рюкюская этническая общность, рассмотреть культурно-исторические процессы на архипелаге Рюкю и в сопредельных районах Юго-Восточной Азии, приведшие к ее формированию;
- 2) показать особенности политогенеза, этнополитической истории Королевства Рюкю, этнических процессов на Окинаве после аннексии Японией;
- 3) проанализировать основные направления ассимилятивной политики Японии по отношению к рюкюсцам и ее противоречивые результаты;
- 4) дать оценку американской политики «деассимиляции» во время оккупации Окинавы, направленной на возрождение этнической идентичности рюкюсцев, показать основные причины ее провала;
- 5) охарактеризовать этнокультурную специфику рюкюсцев, особенности их самоидентификации в составе современного японского государства.

Объектом исследования является рюкюская этническая общность, традиционно определяемая как этнографическая группа японцев.

Allen Matthew. Identity and resistance in Okinawa. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003; Islands of discontent. Okinawan responses to Japanese and American power / ed. by Hein Laura, Selden Mark. New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, inc. 2003.

²⁶ Hein Laura, Selden Mark. Culture, power and identity in contemporary Okinawa // Islands of Discontent. Okinawan responses to Japanese and American power / ed. by Hein Laura, Selden Mark. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003, p. 2.

Предмет исследования — этногенез и этническая история рюкюсцев.

Хронологические рамки охватывают период с середины 3 тысячелетия до н.э. до сегодняшнего дня.

Территориальные границы исследования ограничиваются цепью островов Нансэй (географическое название островов Рюкю), протянувшихся от южной оконечности о. Кюсю до о. Тайвань. Они состоят из трех крупных архипелагов. Северный архипелаг Амами-осима в настоящее время входит в состав префектуры Кагосима. Архипелаги Окинава и Сакисима (последний в свою очередь состоит из архипелагов Мияко и Яэяма) составляют префектуру Окинава, столица — г. Наха. Название Рюкю дали островам китайцы в VII в. н.э. Сочетание иероглифов в современном названии архипелага переводится как «изумрудный шар». Сами островитяне называют свою родину Утина, а себя *утинантю*, «люди родины», жителей основной территории Японии — *яматонтю* (люди Ямато).

Методология и методы исследования. В основе исследования лежит принцип историзма в понимании диалектики этнокультурных процессов, когда все явления рассматриваются в тесной взаимосвязи. При определении методологических подходов исследования мы опирались на важнейшие положения отечественных исследователей (Бромлей Ю.В., Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н., Крюков М.В., Тишков В.А. и др.) в области теории и методологии этноса.

В отечественной науке общепринятым является понятие этногенеза, сформулированное А.П. Алексеевым: совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица²⁷. Из такого определения следует, что возникновение, развитие, трансформация этнических общностей — это единый общеисторический процесс, начавшийся в глубокой древности и продолжающийся в наши дни. Непрерывность этнической истории, однако, не исключает необходимости различать в развитии этноса ряд «перерывов постепенности», составляющих основу для периодизации этнической истории²⁸. Возникает необходимость разделить этническую историю народа на период этногенеза, включающего происхождение и формирование конкретной исторической общности, и последующую этническую историю, когда уже сформировавшийся народ развивается под влиянием разнообразных внутренних и внешних факторов. Отсюда вытекает одна из главных задач исследования: определение двух «критических точек» этногенеза, т.е. исходного момента его формирования и периода, когда можно считать этнос окончательно сложившимся. В качестве конечного момента этногенеза рюкюсцев нами определен период гусуку (XII—XV вв. н.э.), когда на архипелаге Рюкю

²⁷ Алексеев В.П. Этногенез. М: Высшая школа, 1986, с. 3.

²⁸ Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблема этногенеза. М.: Наука, 1978, с. 5.

окончательно сформировалось единое экономическое, культурное и политическое пространство. Все последующие события рассматриваются в рамках этнической истории рюкюсцев.

В ходе исследования применялись сравнительно-исторический, описательный, и метод ретроспективного анализа. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общие закономерности и специфические черты в становлении и развитии культурных явлений и политико-социальных институтов этнической общности. Метод ретроспективного анализа был положен в основу реконструкции конкретных исторических событий и фактов, влияющих на формирование тех или иных этнических особенностей. С помощью описательного метода рассмотрены основные элементы традиционной культуры в современной жизни рюкюсцев.

Источники. Важнейшим источником по изучению истории и культуры Рюкю остаются материалы, собранные Невским Н.А. и хранящиеся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Нами были изучены и широко применялись неопубликованные материалы из его архива.

Важным источником для изучения истории и культуры Рюкю является фольклор. Кроме мифов, легенд, пословиц, загадок и поверий, собранных Невским, использовались фольклорные материалы, опубликованные японским ученым Сёджи Эндо²⁹, а также переведенные отечественной исследовательницей А Садовой³⁰. В них отражены конкретные исторические реалии. Многие такие материалы имеют этимологическую концовку, объясняющую происхождение того или иного явления в жизни рюкюсцев. В фольклоре запечатлены базовые ценностные установки, позитивные и негативные моральные категории.

Другую группу источников составляют дневники и заметки путешественников, ученых, писателей, журналистов, побывавших на островах Рюкю в разные времена. В частности, большой интерес представляют записки английского капитана Бэйзила Холла, о путешествии к берегам Большого Лючю (1818 г.). В них содержатся разнообразные сведения об островитянах, их поселениях, способах добывания соли, особенностях местной кухни, описание мужских головных уборов *хатимати*, других элементов материальной культуры.

Несколько десятилетий спустя на островах Рюкю побывал русский писатель И.А. Гончаров. В романе «Фрегат Паллада» он описывает королевство как идиллическую страну, где еще возможен золотой век. Интересны его наблюдения поведения японских чиновников, стремящихся не попадаться на глаза иностранцам. Хотя японцы и являлись фактическими хозяевами на острове, они тщательно скрывали это обстоятельство.

²⁹ Folktales of Okinawa. Japanese version by Shoji Endo. English translation by Terunobu Tamamori and Jayne A. Hitchcock. Naha: Bank of the Ryukyuan International Foundation, 1995.

³⁰ Сказки и легенды островов Рюкю. Перевод с яп., сост. и вступ. коммент. А. Садовой // Знакомьтесь — Япония. 1997. № 17. С. 121—133.

В середине 20-х гг. прошлого века на Рюкю побывал российский естествоиспытатель П.Ю. Шмидт. Ему удалось зафиксировать многие, уже исчезающие к тому времени, обычаи — женскую татуировку («цветок» и «черепашка»), мужскую прическу *магэ* — волосы, собранные на макушке в пучок, проткнутый большой заколкой, и др.

Очевидцем первых месяцев американской оккупации Окинавы стал в январе 1946 г. советский писатель Борис Горбатов. В очерке «Лагерь на Окинаве»³¹ он описывает лежащие в руинах города, деревни, местных жителей, живущих в лагерях за колючей проволокой. Интересны его наблюдения поведения американцев.

В качестве источников использовались также архивные материалы, опубликованные в монографии Фиша Арнольда «Военное правительство островов Рюкю 1945—1950»³²: секретные документы военных департаментов армии и флота США, раскрывающие американские цели на оккупированных территориях, меморандумы, директивы, инструкции по вопросам экономики, политики, местного самоуправления на территории островов Рюкю.

Научная новизна. Диссертация является первым в отечественной историографии комплексным исследованием истории и культуры рюкюсцев, начиная с доисторической эпохи и заканчивая сегодняшним днем. В научный оборот вводятся новые, ранее не известные материалы, в том числе японских, американских и европейских исследователей, труды которых практически не известны в нашей стране. Впервые в отечественной историографии подробно рассматривается влияние японской ассимиляционной политики, американского военного присутствия на характер и направленность этнических процессов на островах Рюкю.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что оно знакомит с мало известным в отечественной науке народом, его историей и самобытной культурой. Полученные результаты вносят важный вклад в осмысление феномена этничности как объекта социального конструирования. Основные положения диссертации могут быть использованы при проведении дальнейших научных исследований по этнической истории региона, подготовке ученых пособий и лекционных курсов по истории и культуре народов Юго-Восточной Азии.

Апробация исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 9 публикациях, в докладах на международных и региональных научных конференциях: «Россия-Япония: диалог и взаимодействие культур», Южно-Сахалинск, 2003; «Этнос, нация и политика в условиях глобализации: опыт и прецеденты

³¹ Горбатов Б.М. Человек из сословия «эта». М.: Военное издательство, 1953.

³² Fisch Arnold G. Military government in the Ryukyu islands 1945—1950. Center of military history United States Army, Washington. D.C.: 1988.

в АТР», Владивосток, 2005; VII, VIII Дальневосточные конференции молодых историков, Владивосток, 2002, 2004; «Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы», Владивосток, 2002, 2004.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и использованной литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы, дана характеристика использованных источников и историография проблемы. Обозначены объект и предмет исследования, изложены цели и задачи, определены территориальные и хронологические рамки. Обосновываются методология исследования, теоретические подходы и методы. Определяется научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава диссертации «**Архаичные и традиционные культуры Рюкю: проблемы происхождения и этнокультурных связей**» посвящена анализу результатов археологических, антропологических, генетических, лингвистических исследований, проливающих свет на проблему происхождения рюкюсцев, показаны особенности политогенеза, формирования средневекового рюкюского этноса, этнополитическая история Королевство Рюкю в XV—XIX веках.

Согласно гипотезе Ханихара Кадзуро, современные японцы сформировались в результате смешения двух популяционных типов: автохтонного (дзёмонского), и «иммигрантского». Автохтонному свойственны черты «старых» или «южных» монголоидов из районов Юго-Восточной Азии и Южного Китая. «Иммигрантский» тип характерен для «северных» или «новых» монголоидов, формирование которых изначально происходило в северо-восточных районах материка.

По мнению Ханихары, рюкюсцы являются потомками дзёмонцев, населявших японские острова, включая Рюкю, в период неолита. Дзёмонцы, в свою очередь, ведут происхождение от палеолитического «человека Минатогава» (ок. 18 тыс. лет), который вначале попал на Рюкю, а затем и другие острова Японии из Южного Китая по сухопутному мосту, связывавшему острова с материком в ледниковый период.

Новая волна массовых миграций с материка, в частности, с Корейского полуострова, началась в конце периода дзёмон. Миграционные волны по территории Японии прокатывались вплоть до VII в. н.э. Северные монголоиды проникли вначале на север Кюсю, откуда быстро распространились в центральные районы Японии. В результате смешения двух типов (дзёмонского и «иммигрантского») и сложился физический облик современных японцев. Эти переселенческие волны, однако, практически не затронули Хоккайдо и Рюкю.

У местного населения в значительной мере сохранились дзёмонские черты. Еще Зибольд и Бельц выделяли сходство физического облика айну и рюкюсцев. О комплексе черт, сближающих рюкюсцев с айнами, писал М.Г. Левин. А.Г. Козинцев также выделяет изолированное положение рюкюской группы.

Одонтологические исследования (К. Тернер, К. Ханихара, Х. Мацумура, Ц. Ханихара и др.) показывают, что жители островов Рюкю и айну составляют группу, обнаруживающую большее сходство с филиппинцами, полинезийцами и микронезийцами, в то время как одонтологические особенности современных японцев близки к корейским и китайским.

Важным подтверждением специфики этногенетических процессов на Рюкю могут служить исследования частотности гаплотипа r⁷ или cdE резуса группы крови. Его высокий показатель зафиксирован у айнов (12,4%) и жителей Рюкю (7%) в то время как на Хонсю он составляет только 3%³³. Работы по выделению зрелых клеток вируса лейкемии, известного как HTLV-I, также показали высокую пропорцию их носителей среди айнов и рюкюсцев, в то время как в центральной Японии такие носители редки, а в континентальной Азии их почти нет. На этом основании можно предположить, что носители высокого показателя HTLV-I заселили Японские острова в период палеолита или дзёмон, в период яёй их сменили переселенцы из Китая и Кореи, у которых этот вирус не зафиксирован. Они расселились по всей территории Японии за исключением ее северной и южной периферии.

Генетическим исследованиям не противоречат и лингвистические данные. Они свидетельствуют о родственности японского и рюкюского языков, ведущих свою генеалогию от общего протояпонского языка. Процент остаточного базового словаря обоих языков составляет 64,8. По данным глоттохронологии время расхождения языков определяется периодом между III и VI вв. н.э., т.е. временем миграции на основные Японские острова переселенцев из Китая и Кореи.

Относительная генетическая «чистота», сохранившиеся на протяжении тысячелетий антропологические особенности рюкюсцев могут свидетельствовать, что этногенетические процессы на Рюкю протекали в эволюционном русле, изменения исходного антропологического типа и этнических признаков происходили без участия или с малым участием иноэтнических элементов.

Один из сторонников идеи происхождения рюкюсцев как закрытого этнического образования Тайра Кодзи предполагает, что «палеолитические охотники-собиратели Минатогава эволюционировали в неолитических рюкюсцев периода раковинных куч, а те, в свою очередь, в современных рюкюсцев»³⁴.

³³ Mark J. Hudson. Ruins of identity: ethnogenesis in the Japanese Islands. Honolulu: University of Hawaii press, 1999, p. 70.

³⁴ Koji Taira. Troubled national identity. The Ryukyans / Okinawans // Japan's minorities: the illusion of homogeneity / ed. by Michael Weiner. London and New York: Routledge, 1997, p. 144.

Версия о том, что неолитическое население Рюкю восходит к человеку Минатогава, однако, подвергается сомнению. Между временем его существования и начальным периодом дзёмона археологи отмечают почти 10 тыс. «пустых» лет: достоверных свидетельств обитания здесь человека в указанный отрезок времени не найдено. Не исключено, что с таянием ледника и превращением Рюкю в островную цепь палеолитический человек либо вымер, либо переселился в другие районы.

Первые свидетельства неолитической культуры на Рюкю, определяемой как культура раковинных куч (кайдзука), датируются приблизительно 6,5 тыс. лет назад. Ее своеобразной визитной карточкой является керамика *цумэгамон*. Обнаружена также керамика типа *собата*, характерная для Кюсю, а кроме того — совершенно новый тип керамики, наличие которого на Кюсю не выявлено, зато он широко представлен на Амами-осима. Все это дает основание предполагать, что начальный период культуры раковинных куч на Рюкю отличается как заметным культурным влиянием Кюсю, так и отчетливым региональным характером. В целом этот этап характерен небольшим числом находок, что говорит о начальной стадии колонизации островов неолитическим населением.

Первое действительно успешное заселение архипелага имело место в *ранний период раковинных куч* (приблиз. 4000—1000 лет назад). Керамика этого периода представлена четырьмя основными типами (*иха, огидо, ояма, мурокава*), которые характерны только для Окинавы. В раковинных кучах преобладают останки рыб, обитающих в коралловых рифах. Человеческие поселения в это время располагались в прибрежных песчаных дюнах. Преобладающим типом жилищ были полуподземные землянки. Характер поселений (одно-два жилища) указывает на то, что первые постоянные насельники архипелага представляли собой небольшие мобильные коллективы рыболовов-собираателей.

В *средний период раковинных куч* (1000—200 лет до н.э.) в жизни обитателей Рюкю происходят заметные перемены: растет численность населения, увеличиваются площадь поселений, размеры и количество жилищ. Поселения все чаще перемещаются вглубь островов, на обширные равнины. В раковинных кучах уменьшается количество останков рыб и моллюсков. Изменился характер орудий, появилось больше топоров, наконечников стрел, жернова, каменные тарелки. Возросло количество сосудов в виде высоких кувшинов, использующихся для хранения зерна. Появляются ямы-амбары. Все это позволяет говорить о возникновении определенной культуры земледелия.

В *поздний период кайдзука* (200 лет до н.э. — XII вв. н.э.) на основной территории Японии время массовых миграций с материка, происходит переход к производящему хозяйству (заливное рисосеяние), появляются первые государственные формации, начинается формирование японского этноса. Эти процессы, однако, не затронули Рюкю. Здесь продолжает господствовать хозяйственно-культурный комплекс прибрежных рыболовов и собирателей, хотя, как

свидетельствуют данные археологии, в первую половину позднего периода кайдзука культура островов Окинава и особенно Амами испытала определенное влияние культуры её Кюсю. Что же касается южной части Рюкю (острова Сакисима), то здесь выделяется особая зона культуры, практически не связанная с культурой раковинных куч и демонстрирующая сильное влияние культур Южного Китая, Тайваня, Филиппин, Индонезии.

В целом анализ археологических данных показывает, что в период неолита архипелаг Рюкю представлял собой три культурных ареала с различной степенью влияния культур дзёмон, её, материковой и индонезийской. Это был своеобразный мост между материком и островным миром Юго-Восточной Азии, по которому неоднократно проходили племена с севера, юга и запада.

Среди исследователей распространено мнение, что образование единого ареала рюкюской культуры и окончательное формирование рюкюского этноса относится к периоду *гусуку* (XII—XV вв. н.э.). Именно в это время здесь появляется земледелие, повсеместное использование железа, происходит складывание общего рынка, и, самое главное, на эпоху гусуку приходятся основные этапы политогенеза. Обращает, однако, внимание то, что развитие Окинавы в эту эпоху происходило слишком уж бурно. Для такого развития должны быть соответствующие предпосылки. Такой предпосылкой, по мнению Асато Сусуми, стало включение Японии и Окинавы (X—XII вв.) в сферу восточно-азиатской торговой системы, центром которой был Китай династии Сун. Появление единого экономического пространства стимулировало иммиграцию на Рюкю с других японских островов, особенно с Кюсю³⁵. Хирото Такамия, основываясь на палеоботанических данных, свидетельствующих о внезапности появления сельского хозяйства на Окинаве, приходит к выводу, что миграция имела место между VI—VIII и VIII—X вв.

Переход к производящему хозяйству сопровождался усложнением социальной организации, появлением на политической арене вождей *адзи*. Аккумуляция в их руках экономических ресурсов привела к тому, что с XII в. каждый адзи контролировал несколько поселений, экономическим, религиозным и культурным центром которых, стала резиденция адзи — замок гусуку. Соперничество и союзы между адзи приводили к созданию политических альянсов. Логическим концом борьбы за власть было появление победителя, который становится правителем правителей (*адзи суи*) или *ю-ну-нуси* (правителем мира, сувереном). Первым королем Рюкю считается Сянтэн, правивший Окинавой с 1187 по 1237 г. После смерти Сянтэна престол унаследовал его сын Сюмба-Дзюнки, известный тем, что впервые ввел письменность, в основу которой была положена японская фонетическая азбука. Другим его достижением была постройка

³⁵ Асато Сусуми, Дои Наоми. Окинавадзин ва доко кара кита ка? (Откуда пришли окинавцы?). — Наха: Бот:аинку, 1999, с. 156.

замка Сюри, ставшего резиденцией рюкюских королей. В период правления короля Эйсо (1235—1299) были проведены земельная и налоговая реформы, установлен политический контроль над соседними с Окинавой островами.

В начале XIV в. Окинава оказалась раздробленной на три самостоятельных «королевства»: Тюдзан (Центральное нагорье), Нандзан (Южное нагорье) и Хокудзан (Северное нагорье). С именем главы Тюдзан Сатто связано одно из самых знаменательных событий в истории Рюкю: установление даннических отношений с Китаем (1372). Рюкю тем самым получило культурного донора, чье влияние обнаруживается в различных областях культуры.

Захвативший власть в княжестве Тюдзан адзи Хаси начал процесс объединения страны, который был завершен к 1429 г. Китайский император признал право Хаси на престол и пожаловал ему фамилию Сё, которую с этих пор носили все рюкюские монархи. Период гусуку стал не только завершающим этапом этногенеза рюкюсцев, именно в эту эпоху были заложены основы многих рюкюских культурных традиций, которые столь отличаются от собственно японских.

«Золотой век» королевства связывают с именем короля из второй династии Сё — Сё Сином (1477—1526). За время его правления произошло окончательное объединение страны. Была осуществлена реформа административного управления, существенно ограничена независимость адзи. Управление их имениями переходило в руки уполномоченных *утти*, которых контролировали государственные чиновники *дзитодай*. Другой важной реформой стало изменение сословной системы. Население делилось на три класса — аристократия (*кидзоку*), дворянство (*сидзоку*) и простой народ (*хэймин*). Статус человека символически отражался в одежде, головном уборе и украшениях. Принадлежность мужчины к тому или иному классу определялось по цвету, форме, фактуре ткани головного убора *хатимати*, напоминающего небольшой тюрбан, а также по материалу шпильки *дзифу*, скрепляющей прическу: особы королевской крови носили золотые дзифу, аристократия и военные — серебряные, простолюдины — деревянные или из панциря черепахи.

Сё Син провел унификацию религиозных культов. Жрицы *норо*, обслуживавшие религиозные нужды общин и обладавшие до этого немалой властью, были поставлены под контроль королевской администрации. Сложился единый национальный культ и религиозная организация, во главе которой стояла главная жрица королевского дома *Кикоз-оогими*. По традиции она принадлежала роду короля по мужской линии. Должность деревенских жриц также была наследственной, но, чтобы занять этот пост, нужно было получить инвестиру от Верховной жрицы.

В рамках религиозной государственной системы ежегодно проводились национальные ритуалы. Одним из таких ритуалов был *агари маи* (досл. «тур на восток»), во время которого король, двор и все жрицы молились о ниспослании хорошего урожая и благополучия жителям всей страны в главных святынях королевства (*Мишфудаа* и *Сэфа Утаки*). Поощрялось строительство буд-

дийских храмов, однако, буддизм не приобрел на Окинаве такого значения как в Японии, буддийские храмы почитались как центры знаний и искусства.

Развивались искусства и ремесла. Появилась собственная литературная традиция. В 1532 г. традиционные поэмы, песни, молитвы жриц были собраны в антологию Оморо-соси, которая является главным литературным памятником Окинавы.

В 1609 г. Королевство было захвачено японским кланом Сацума, владения которого располагались на юге Кюсю. Королевство Рюкю стало вассалом Японии. Взаимоотношения с Японией совсем не походили на систему вассально-даннических отношений с Китаем. Вместо символических подарков китайскому императору правительство Сюри должно было выплачивать Японии ежегодно восьмую часть всех доходов государства. Под жесткий контроль была поставлена торговля Рюкю с Китаем. В тоже время Сацума не возражал против сохранения королевством вассалитета от Китая, поскольку в условиях закрытой от внешнего мира Японии, Рюкю оказалось единственным окном для сношений с внешним миром. В свою очередь и Королевство стремилось к сохранению своего прежнего статуса как проявлению независимости. Вместе с тем, культура Рюкю стала испытывать гораздо большее влияние японской культуры.

В конце XVIII в. к берегам Рюкю все чаще стали приставать корабли западных держав. Острова Рюкю рассматривались как «южные ворота» в Японию. После заключения договоров с США (1854), Францией (1855) и Нидерландами (1859) стала очевидной перспектива прямой оккупации Рюкю западными державами. В этих условиях Япония, вставшая на путь модернизации, в 1879 г. окончательно аннексировала Королевство Рюкю. В составе Японии появилась сорок седьмая префектура — Окинава.

Во второй главе «**Рюкю в составе Японского государства**» анализируются этнические процессы, протекавшие на Рюкю под воздействием японской ассимиляционной политики, американская политика «деассимиляции» в период оккупации Окинавы и отношение к ней рюкюсцев, современные проблемы Рюкю.

Эпоха Мэйдзи (1867—1912 гг.) является одной из переломных в истории японского государства. По примеру ведущих западных держав Япония встала на путь активной колониальной политики, первой жертвой которой и стало Королевство Рюкю. В самой Японии этот шаг никогда не рассматривался как аннексия. Исходя из представлений о том, что Рюкю являются неотъемлемой частью Японии, а их жители — частью единой японской нации, считается, что «в период Мэйдзи было осуществлено окончательное объединение Японии как современного государства»³⁶.

³⁶ Габэ Масао. Нихон но нака но Окинава — Окинава но нака но Нихон. (Япония на Окинаве — Окинава в Японии) // Рюкю ретто. Сякай тэки, бунка тэки нэтговаку но кэнкю. (Архипелаг Рюкю. Общественно-культурное сетевое исследование). Токио : Хосэй дайгаку Окинава бунка кэнкюдзё, 2003, с. 7.

В первые годы после присоединения Рюкю, японские власти воздерживались от проведения радикальных реформ. Принималось во внимание отличие языка и традиций местных жителей, откровенное неприятие новых властей. На начальном этапе все основные политико-административные посты были переданы в руки японских чиновников, во главе префектуры становился губернатор, назначаемый из Токио. Упраздняялась существовавшая сословная система, был взят курс на искоренение «плохих обычаев». В их число попали, прежде всего, мужские прически, женская татуировка, традиционный похоронный обряд. В рамках кампании по искоренению «варварских» обычаев японские власти объявили настоящую охоту на местных шаманок *юта*. Вместо института жриц норо насаждалось государственное синто. Важным инструментом японизации Рюкю стало школьное образование. В его основу было положено изучение «стандартного» японского языка *хёдзюngo*. Доступ к образованию получали все сословия. В Наха было открыто педучилище для подготовки преподавателей. Увеличивалось число средних школ, были открыты женские школы высшей ступени, технические и медицинские училища.

Победа Японии в японо-китайской войне (1894—1895) положила начало новому этапу ассимиляции. Война убедила многих окинавцев в необходимости модернизации. Ее успех они связывали со страной-победительницей. Достижения Японии стали считаться образцом для подражания, повысили лояльность окинавцев к реформам Токио. На этом этапе была изменена административная система: территорию префектуры поделили на пять административных округов *гун*, и два столичных округа *ку* — Наха и Сюри. Систему *магири-сима* (район-община) заменили на общепонскую *тё-сон* (город-село). Начальники административных округов и районов назначались губернатором. В 1909 г. было создано префектуральное собрание. В 1912 г. впервые два представителя Окинавы было посланы в Нижнюю палату японского парламента, однако, равное с другими префектурами представительство в парламенте Окинава получили лишь в 1920 г.

В 1899—1903 гг. проведена широкомасштабная земельная реформа. В соответствии с «Законом о земельном регулировании» наследственные земли сохранялись за их владельцами. Общинные участки, которыми семьи владели в результате последнего перераспределения, передавались в частную собственность главы семьи. Ликвидация общинного землевладения заставляла крестьян заботиться о повышении продуктивности земли. С другой стороны, коммерциализация сельского хозяйства побуждала отказываться от выращивания традиционных культур и заниматься производством сахарного тростника, который пользовался большим спросом на японских товарных биржах. При этом окинавским фермерам разрешалось продавать тростник лишь через японских посредников.

Перемены в экономике, растущая безработица спровоцировали начавшуюся в 1899 г. эмиграцию окинавцев за рубеж и на другие Японские острова. На «основной» территории они сталкивались с дискриминацией: у них был

более продолжительный рабочий день, низкая заработная плата. Слабое знание японского языка препятствовало повышению квалификации. Болезненно воспринимались сложившиеся в японском обществе стереотипы о «нечистоплотности» окинавцев, их «ленности». Постепенно среди окинавцев стало формироваться убеждение, что добиться финансового и социального преуспеяния можно лишь, став полноправными японцами, для этого необходимо отказаться от собственной культурной отличительности.

В результате поражения Японии в Тихоокеанской войне Окинава в течение 27 лет находилась под управлением США. Оценив стратегический потенциал островов, Америка стремилась превратить архипелаг в свой опорный пункт в АТР. Для управления архипелагом был создан институт Верховного Комиссариата, который просуществовал вплоть до передачи островов под юрисдикцию Японии в 1972 г. Верховный комиссар имел широкие полномочия: назначал главу Правительства островов Рюкю, назначал или смещал с постов официальных лиц, накладывал вето на любой законопроект, назначал судей апелляционного суда. Под контролем Гражданской администрации США находилась вся судебная система. Власть местного Правительства была номинальной.

Строительство военных баз обострило земельную проблему. Земельные участки передавались в аренду американским властям на 20-летний срок за небольшую единовременную плату. У тех, кто не желал сдать землю в аренду добровольно, ее отбирали принудительно. В отношении окинавцев проводилась политика сегрегации. Им выплачивалась самая низкая заработная плата, запрещалось пользоваться общественными туалетами, заходить в кофейни, они лишались пенсий по старости, их могли уволить без всяких объяснений. Сложившаяся ситуация рассматривалась на Окинаве как одна из форм колониализма и породила антиколониальное движение, вылившееся в борьбу за воссоединение с Японией. В 1960 г. был основан *Окинава-кэн Сококу Фукки Кёгикай* (Совет префектуры Окинава по содействию возвращения на родину предков). Выдвигая в качестве основной идеи интеграцию с Японией, сторонники «Движения за возвращение» требовали передачи Окинавы Японии. Американская администрация пыталась бороться с Движением, проводя кампанию по «деассимиляции» рюкюсцев, смысл которой сводился к мобилизации их этнического самосознания. Еще в 1944 г. специальная группа ученых провела исследования Окинавы и пришла к следующему выводу: «Несмотря на тесную связь между японцами и рюкюсцами и их лингвистическое родство, жители архипелага не рассматриваются японцами как равные в расовом отношении. В стране на них смотрят свысока как на «бедных родственников»³⁷.

³⁷ Nakachi Kiyoshi. Ryukyu — U.S. — Japan Relations 1945—1972 (The Reversion movement, political, economic and strategical issues). Quezon city. Philippines: Abiva Publishing House, inc., 1989, p. 26—27.

Для идеологической поддержки кампании по «деассимиляции» американскими властями стимулировались исследования по истории Королевства Рюкю. Поощрялось изучение родного языка, Пентагон оплачивал работу радиостанции на рюкюском языке. Открывались выставки, музеи с культурными артефактами Королевства. В мае 1950 г. был открыт Университет Рюкю — первое высшее учебное заведение на Окинаве.

Стремление изолировать рюкюсцев от японцев участники Движения рассматривали как проявление расизма со стороны оккупационных властей. Настаивая на воссоединении с «землей предков», окинавцы требовали предоставления им прав, которыми обладают граждане Японии. Хотя участникам Движения не удалось полностью решить поставленную задачу (американские военные базы остаются на Окинаве) основная цель была все же достигнута. В 1972 г. Окинава вновь стала японской префектурой.

На формирование этнического самосознания рюкюсцев в современных условиях воздействуют несколько факторов: историческая память о собственном независимом государстве, дискриминационная политика ассимиляции после включения в состав Японии, трагедия Битвы за Окинаву, опыт американской оккупации, взаимоотношения с Японией после 1972 г., отношение к американскому военному присутствию на острове. Ключевым моментом, безусловно, является память о независимом государстве. Картина гордого прошлого служит также доказательством неадекватности настоящего положения Окинавы как наименее успешной префектуры на периферии Японии. Другой важный момент — дискриминационное отношение к рюкюсцам после присоединения к Японской империи. Позиционируя Окинаву как «родную» префектуру, а ее жителей как полноправных подданных империи, японские власти в то же время постоянно подчеркивали их «окинавскость», необходимость поскорее стать «настоящими» японцами.

Битва за Окинаву — самый, пожалуй, трагический и наиболее серьезный аргумент для обвинения Японии в предательстве собственного народа: более трети местных жителей погибли ради того, чтобы отсрочить капитуляцию Японии. Среди огромного числа павших под огнем противника, было немало тех, кого расстреляли сами японцы по нелепым обвинениям в шпионаже, поводом для которых было использование местного диалекта. После окончания войны Япония вновь пожертвовала Окинавой, передав ее США, и это тоже воспринимается как предательство: Япония заключила «брак по расчету» с США за счет Окинавы.

Окинава по-прежнему остается самой отсталой префектурой. Среднедушевой доход здесь ниже общепонского на треть, выше уровень безработицы. Наиболее доходной отраслью сегодня является туризм. Многие исследователи предлагают создать на островах особые экономические зоны с низкими налоговыми ставками на инвестирование, нефиксированными квотами на импорт,

поощрять развитие банковских услуг, высокотехнологичных производств. Несколько таких зон создано. Однако их развитие тормозится бюрократическими структурами национального правительства, которые сильно ограничивают экономическую самостоятельность префектур, продолжающимся экономическим спадом в рамках всей страны. Пока очевидной альтернативы для решения экономических проблем, кроме как полагаться на субсидии центрального правительства, нет, а это означает необходимость и в дальнейшем «оказывать гостеприимство» американским базам.

В борьбе против американского военного присутствия примечательна позиция бывшего губернатора префектуры Ота Масахидэ. Выступая за ликвидацию баз к 2015 г., он подчеркивал стремление окинавцев к миру и автономии. В 1997 г. на заседании Кабинета член Палаты представителей от Окинавы Косукэ Уэхара гипотетически спросил, что бы сделало правительство, если бы окинавцы захотели обрести независимость от Японии? Государственный министр ответил: «В Конституции Японии не заложено статей, касающихся отделения. Согласно действующей Конституции, ни одна из частей Японии не может быть законно отделена»³⁸.

Идеи независимости остаются в окинавском дискурсе слишком академичными. Несмотря на особую историю и культуру, на непрекращающуюся борьбу против американского присутствия, на Окинаве не зафиксировано значительного движения за независимость. Окинавцев, требующих полной независимости, или полного растворения в японском обществе, немного. Большинство ищет пути утвердить свою отличительность, сохраняя при этом полноправное японское гражданство. Одним из таких путей является культурное созидание.

Глава 3 «Культурные традиции в современной жизни рюкюсцев» посвящена исследованию самобытных рюкюских культурных традиций и их роли в современной жизни рюкюсцев.

Элементы традиционной культуры выступают в качестве этнических маркеров, средств дифференциации групп в широком поле социального взаимодействия. Особенно устойчивыми в этом отношении являются такие формы традиционной культуры как пища и жилище. Географическое положение Рюкюского архипелага, влажный субтропический климат оказали большое влияние на *традиционную систему питания*. Основой питания большинства восточно-азиатских народов является рис. Широким слоям населения Рюкю он стал доступен только во второй половине прошлого века. Основным продуктом долгое время был батат. Кроме него в состав блюд входили ячмень, просо, пшеница. Важное место в традиционной модели питания занимает свинина, здесь, несомненно, прослеживается китайское влияние. В рационе окинавцев в большом

³⁸ Taira Koji. Okinawa — Tokyo relationship. From annexation to secession, or something between // The demise of the Ryukyu Kingdom. Japan, Okinawa, Ginowan-City: Yojushorin, 2002, p. 14.

количестве присутствуют продукты из бобовых культур (соевый творог *тофу*, паста *мисо*), которые наряду со свиной являются важными источниками белка.

В отличие от традиционной японской кухни на Окинаве мало едят сырой рыбы и морепродуктов, из них готовят рыбные «сосиски» *камабоко*. Важными ингредиентами многих блюд окинавской кухни являются морские водоросли, различные овощи — кабачки, баклажаны, морковь, лук, редис. Особый вкус и аромат блюдам из свинины и морепродуктов придают фенхель, зеленая горчица, куркума, листья суйджени, которые к тому же обладают лекарственными свойствами. Непременным элементом традиционной кухни стран с жарким и влажным климатом являются специи, помогающие сохранять продукты: соль *маасу*, различные виды перцев (*нипацу*, *корэгусу*).

Традиционным спиртным напитком для окинавцев по-прежнему служит *авамори*, изготавливаемый путем ферментации особого сорта риса с применением черных дрожжей. Приверженность традиционной модели питания помогает окинавцам сохранять здоровье и долголетие. Именно на Окинаве зарегистрировано самое большое число долгожителей в Японии.

Другой важной формой функционирования этнической культуры является *традиционное жилище*. Большое влияние на характер поселенческого комплекса рюкюсцев продолжает оказывать тип социальной организации, сложившейся в глубокой древности. Современная окинавская деревня по-прежнему формируется вокруг одного или нескольких «главных домов» (*мутуя*), владельцы которых ведут родство от предка-основателя общины.

Конструктивной особенностью рюкюского дома, сближающей его с жилищами постройками Юго-Восточной Азии, является приподнятость над землей. «Тропический дизайн» защищает дом во время сезона дождей. Наружные двери являются скользящими и могут убираться так, что вся передняя часть остается открытой. В недалеком прошлом крыша покрывалась тростником, в настоящее время большинство домов имеет черепичную крышу. Жилища строятся из дерева без единого гвоздя на вставных шпильках. Пол покрывается тонкими досками, сверху выстилается соломенными матами.

В передней части дома располагаются гостиные: *итибандза* и *нибандза*. В *итибандза* принимают гостей, ее украшает ниша *утуку* (яп. *токонома*), где вешают картины, свитки, ставят цветы. По традиции, спиной к нише сидит хозяин дома или гость. В *нибандза* располагается буддийский алтарь. На его верхней полке висят *ихай* — таблички с именами предков, ниже находятся полки для ваз с цветами, светильников, курильниц для фимиама, чашек с чаем и сакэ. Дважды в месяц, а также в дни поминовений на буцудан ставят пищу для духов предков. Им регулярно сообщают об удачах и несчастиях. Духи-предки таким образом принимают участие в жизни потомков.

В задней части дома располагаются спальня, обеденная зона и кухня с открытым очагом *хинукан*, который выполняет и сакральную функцию. Хозяйка

дома обращается к божеству очага с молитвами в первый и пятнадцатый день каждого месяца лунного календаря, по другим особым случаям.

В традиционном рюкюском доме, как и в японском, мебели немного: низкий стол для еды и напитков, полки для хранения постельных принадлежностей. Сидят обычно на полу: мужчины — скрестив ноги и спрятав ступни по себя, женщины — сложив ноги вместе с одной стороны.

Дом вместе с хозяйственными постройками образует хозяйственно-жилищный комплекс. Пространственное расположение построек диктуется принципами геомантии, заимствованными из Китая. Вход в жилище ориентируется строго на юг, каждая постройка должна располагаться в определенной части комплекса. Считается, что соблюдение этих принципов сулит жильцам удачу и здоровье. Каждая усадьба обычно окружается высоким (2—3 м) забором из бамбука, камня или кораллов, которые защищают дом во время тайфунов. Ворота или калитки не делаются. Вместо них оставляют широкий проем, а за ним ставится *хинпун* — «заградительная» стена, размером чуть шире проема. Она не только закрывает двор от постороннего глаза, но и несет сакральную нагрузку.

В целом традиционный хозяйственно-жилой комплекс рюкюсцев отличается значительным своеобразием, сочетая в себе черты «южного» (малайско-полинезийского) происхождения, элементы японской и китайской архитектуры и значительный пласт местной культуры.

Традиционная религия рюкюсцев имеет определенное сходство с японским синто. Она возникла из местных культов природы, поклонения родовым и племенным божествам. Для окинавцев вся Вселенная, живая и неживая, заселена мириадами божеств *ками*. Во многом они похожи на японских, хотя менее персонализированы, не имеют ярко выраженных антропоморфных черт. *Ками* не являются всеведущими или всемогущими, но они обладают властью, которая недоступна людям, могут влиять на жизненные события и изменять их. По сути своей *ками* эмоционально нейтральны, они ни хорошие, ни плохие. Взаимоотношения людей с ними строятся на основе соблюдения ритуальных обязательств.

На Окинаве параллельно существовали и сохраняются до сих пор жреческий культ и полноценный шаманизм, в которых главенствующую роль играют женщины. Одной из особенностей жриц и шаманок является *саадака-умари* — рождение с высокой духовной силой. Ее нельзя приобрести и нельзя отвергнуть, это знак избранности. Родившаяся с *саадака* должна стать либо жрицей, либо шаманкой. *Саадака-умари* означает потенциальную возможность владеть *сидзи*. Понятие *сидзи* можно определить как дух, силу, власть божества. Обладание *сидзи* позволяет жрицам и шаманкам совершать ритуалы и обряды. У каждой шаманки и жрицы есть *тидзи* — определенное божество, дух-предок, которым они служат, и которые руководят ими в их обрядовой деятельности.

Большинство потенциальных шаманок, некоторые жрицы испытывают *ками-даари* — подобие шаманской болезни. Она сопровождается определенными

психосоматическими расстройствами. Нередко такое состояние длится несколько лет. Обычно это «заболевание» не поддается лечению. «Выздоровление» наступает после того, как они приступают к выполнению своих жреческих обязанностей или шаманской практике.

Окинавских жриц называют каминтю (ками-сама). С одной стороны, так обозначают человека, обладающего способностью общаться с духами; с другой, в силу этой своей способности ему самому присуща некая святость. Ритуалы, в которых главную роль играют жрицы, представляют собой просьбы богам о даровании хорошего урожая и благодарственные молебны. По сути своей это — празднества, в которых принимает участие вся община.

Общение жриц с божествами происходит в священных рощах *утаки*. Перед тем как войти в рощу, жрицы надевают белые халаты, белые повязки и венки из листьев. Главная жрица носит также нефритовое ожерелье, самая большая бузина которого имеет форму когтя. В роще нельзя шуметь, молитвы произносятся тихим речитативом. После молитв в утаки действие переносится на главную площадь деревни. Здесь все жители едят угощение, пьют вино, веселятся. Совместная трапеза, в которой участвуют, как считается, и божества — очень важный момент ритуала. Она укрепляет взаимоотношения между людьми, предками и божествами.

Шаманок на Окинаве называют *юта*. По мнению Лебра, термин произошел от глагола *ююнэ*, что означает «трястись», «дрожать». Сами шаманки полагают, что это слово имеет унижительный оттенок, и предпочитают называть себя *каминтю*. Каждая шаманка имеет свою «специализацию» и в зависимости от нее носит определенное название. Юта не проходят этап «ученичества», подготовки к шаманской деятельности. Она рождается уже избранной, проходить через испытания ей не обязательно, главное для нее — осознать свое предназначение.

Шаманки могут лечить, толковать сны, предсказывать будущее, совместимость будущих супругов, они способны общаться с душами умерших, передавать от них послания живущим. Таким образом, роль шаманок весьма разнопланова. В основе их деятельности лежит концепция причинности. В традиционном мышлении окинавцев любое событие или несчастье обусловлено определенной причиной. Они твердо верят, что поведение человека повлияет на жизнь его потомков, а деятельность предков отражается на живущих (концепция *мани-гуту*). Наказание за проступки предков могут обрушиться на потомков. Задача шаманки — разорвать негативную связь между предком и потомком, завязать качественно новую. На это направлен ее особый шаманский дар.

С религиозными воззрениями рюкюсцев тесно связан *традиционный погребальный обряд*. Традиционный метод погребения на Рюкю относится к категории «вторичного захоронения». Суть его в том, что окончательному погребению подлежат тщательно отмытые от остатков плоти костные останки, отсюда и название обряда — *сэнкоцусо*: (букв. обряд омовения костей). Обряд очищения

костей, как правило, проводился на берегу моря, считалось, что морская вода имеет особые «очистительные» свойства. Если погребение располагалось вдали от моря, вместо воды использовали авамори. Процедуру омовения костей проводили женщины. Вымытые кости укладывали в погребальную урну в определенном порядке. Последним укладывали череп таким образом, чтобы глазницы «смотрели» на заднюю стенку урны. Урну помещали в склеп. Остатки предыдущего погребения вместе с гробом сжигались. Процесс омовения костей понимался как «деификация» умершего, в ходе которой его дух, очистившись от «грязной» плоти, мог уйти в иной мир.

Последним пристанищем большинству окинавцев служат каменные или бетонные склепы. В XX в. фамильные склепы на Окинаве стали повсеместным явлением. В них хоронят членов рода на протяжении нескольких поколений. Склепы бывают двух видов. Одни носят название *кикобо* — «панцирь черепахи» (от «ки» — черепаха, «ко» — панцирь и «бо» — могила). Кикобо имеют три стены, четвертой служит склон холма. Крыша либо выгнута, как спина черепахи, либо ее единственный скат напоминает подкову, внешняя сторона которой упирается в землю. Чаще встречается другой вид — с двухскатными крышами. Многие склепы имеют две камеры. В правой гроб находится до обряда *сэнкоцусо*. После урну с костями ставят в левую камеру.

В настоящее время традиционный обряд заменен кремацией.

Одним из сохранившихся на Окинаве традиционных ремесел является *производство тканей и искусство их крашения*. Наиболее известен такой стиль ткачества как *касури* («касуру» — «покрываться дымкой»). Это ткань с яркими красочными пятнами (разводами). Родина касури — Индия. На Окинаву касури, вероятно, попала из Юго-Восточной Азии и получила здесь оригинальное развитие. Основным сырьем для производства тканей являлись конопля, китайская крапива, шелк, банан. Из крапивы ткут великолепную *дзёфу* — гладкую, легкую ткань, которая по прочности превосходит шелк. Сырьем для изготовления ткани *басёфу* служит банановое дерево. В одежде из такой ткани хорошо переносится влажное окинавское лето.

В качестве красителей с древнейших времен используются природные материалы. Искусство окрашивания тканей на Окинаве называется *бингата* (от «бин» — «цвет» и «ката» — «трафарет, шаблон») и насчитывает более 500 лет. Вероятнее всего, оно было завезено с Явы и Индонезии, славящихся изготовлением набивных ситцев и батиков. Главное в узоре бингата смысловая сочетаемость композиций из растений, животных, птиц, рыб, раковин, кораблей, барабанов, дворцов. Ткани, сотканые вручную и окрашенные с помощью растительных компонентов, являются не только произведением искусства, но обладают и целительными свойствами.

Танцевально-театральное искусство Окинавы насчитывает не одно столетие. В эпоху Королевства закладывалась его эстетика, утонченность и изящество.

При королевском дворе широко был известен танец *укансин-одори*, созданный для развлечения посланников из Китая. Существовало два типа этого танца: *куми-одори* и *ха-одори*. Куми-одори представлял собой музыкально-драматическую пьесу, в которой несколько песен и танцев были объединены единым сюжетом. Его исполнение длилось, как правило, несколько часов. Другим видом классического танца был танец *ха-одори*, имевший несколько разновидностей. Каждому из танцев присуща своя хореография, костюм, музыка и аксессуары. Шляпы, прически, веера — не только элементы танцевального костюма, они несут и смысловую нагрузку, особенно *ханагаса* — большая шляпа в виде распустившегося цветка.

Адекватное восприятие традиционного рюкюского танца невозможно без музыкального сопровождения. Основным музыкальным инструментом в театрально-танцевальных постановках является заимствованный в Китае *сансин* — трехструнный инструмент, дека которого покрывалась змеиной кожей. Исполняемые под аккомпанемент сансина стихи *рюка* с размером 8—8—8—6 стали основой окинавской классической музыки.

В эпоху Королевства исполнителями классических танцев были представители дворянства. Это искусство передавалось из поколения в поколение. После аннексии Королевства некоторые придворные танцоры и музыканты, лишившись статуса и финансовой поддержки, стали демонстрировать свое искусство в коммерческих театрах. Торжественные танцы, исполняемые при королевском дворе, оказались слишком рафинированными для восприятия обычной публикой. Поэтому были созданы новые танцы, в которых приемы и принципы классического танца обогащены народными фольклорными элементами. Они получили название *дзо-одори*.

Окинавское театральное искусство включает множество жанров: мелодрамы, трагедии, военные драмы, комедии, пьесы одного актера, сюжеты из легендарного прошлого Королевства Рюкю. В целом, окинавскому традиционному театрально-танцевальному искусству удалось выдержать натиск новых видов развлечений, пришедших из Японии или связанных с процветанием киноиндустрии.

Еще одним видом окинавского искусства, которое приобрело необычайную популярность во многих странах мира, является *окинава-тэ* — традиционное боевое искусство. Принято считать, что каратэ — «изобретение» японцев, однако, в действительности оно пришло с Окинавы. Долгое время бытовал миф о том, что окинавское каратэ выросло из сопротивления местных крестьян захватчикам японского клана Сацума. Это не так. В период гусуку, когда на территории Окинавы велись самые настоящие войны, здесь сложилось воинское сословие. Вероятнее всего именно в его среде и получили развитие воинские искусства.

На Окинаве сложились оригинальные методы овладения искусством каратэ, которые со временем были канонизированы, обросли множеством методи-

ческих предписаний и формальных упражнений. В каждой из школ каратэ существуют сотни *ката* (шаблон, модель) — формальных упражнений, в которых собраны приемы нападения и защиты. В наше время окинава-тэ не просто спорт, это — элемент традиционной культуры, который несет важную социальную нагрузку как искусство физического и нравственного совершенствования человека.

Географическое положение островов Рюкю, которые являются своеобразным мостом между Японией, Китаем, Кореей и островным миром Юго-Восточной Азии, обусловило «мозаичность» рюкюской культуры. Безусловно, «пески времени», японская ассимиляционная политика, современные глобализационные процессы привели к определенным изменениям в традиционной культуре Окинавы. Вместе с тем, есть все основания говорить о сохранении ее самобытности. Для окинавцев сохранение традиционного культурного наследия имеет большое значение как связь со своим прошлым, и одновременно как важный фактор самоидентификации.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования. Они сводятся в основном к следующему.

Данные археологии показывают, что человек появился на островах Рюкю в период палеолита, когда архипелаг был связан с материком сухопутным мостом. Однако с таянием ледника и превращением Рюкю в островную цепь палеолитический человек либо вымер, либо переселился в другие районы. Следующая попытка колонизации островов фиксируется уже в неолитическую эпоху. Неолитическое население Рюкю — племена аустронезийского происхождения пришли на Японский архипелаг из Юго-Восточной Азии через Филиппины и Тайвань. Основываясь на остеологических, краниоскопических, одонтологических и генетических характеристиках, можно полагать, что современные окинавцы являются потомками дзёмонцев, которые, в свою очередь, обнаруживают большое сходство с населением Тайваня, Филиппин, Южного Китая, Полинезии. Это дает основание утверждать, что в отличие от основной территории Японии, где формирование населения происходило в результате смешения с иммигрантами с Корейского полуострова, этногенетические процессы на Рюкю носили эволюционный характер.

В основе этногенеза японцев и рюкюсцев лежит, безусловно, общий древний субстрат. Исследования лингвистов свидетельствуют, что японский и рюкюский языки ведут свою генеалогию от одного протояпонского языка. Разделение этих языков произошло между III и VI вв. н.э. под воздействием мощной миграционной волны с Корейского полуострова. В отличие от основных Японских островов, эта миграция на Рюкю не была массовой. Кроме отдельных образцов керамики, других значимых ее свидетельств на Окинаве не найдено. Миграция на Рюкю с территории Японии (преимущественно с Кюсю) заметно усилилась между VI—VIII и VIII—X веками. В этот период на территории

Окинавы достаточно внезапно возникают очаги земледелия, что трудно объяснить естественной эволюцией хозяйственного комплекса.

Перемены в экономике Рюкю в X—XII вв. способствовали бурному развитию рюкюского общества. В этот период архипелаг оказался втянутым в зону восточноазиатской торговли. Вслед за купцами на Рюкю появились гончары, кузнецы, политические лидеры, значительно выросла численность населения. Социально-политическая ситуация в Японии в IX—XII вв. способствовала переселению части ее жителей в другие районы. В это время страну сотрясали междоусобицы, голод и эпидемии. В поисках мирной жизни многие японцы перебирались на юг Кюсю, а оттуда на Рюкю, здесь находили себе убежище опальные политические деятели.

Усиление миграции, разнообразные контакты с материком и Японией не могли не повлиять на интенсификацию всех внутренних процессов рюкюского общества. К 1187 г. относится создание на Окинаве первого протогосударственного образования во главе с «королем» Сюнтенем. В начале XIV в. оно оказалось раздробленным на три княжества, которые после столетия междоусобиц были объединены в единое централизованное государство, известное как Королевство Рюкю. В 1372 г. Окинава вступила в вассально-даннические отношения с Китаем и на протяжении 500 лет поддерживала дипломатические и торговые отношения с Китаем, Японией, Кореей, странами Юго-Восточной Азии.

Наибольшего расцвета Королевство Рюкю достигает в XV—XVI вв. Для Японии и Рюкю главным культурным донором служил Китай, однако китайское влияние было разным. Древняя культура Японии кардинальным образом изменилась под воздействием буддийской культуры времен династии Тан (618—907), для Рюкю образцом подражания стал Минский Китай (1368—1622), в котором буддизм уступил место конфуцианству.

В начале XVII в. контроль над Королевством Рюкю захватил японский клан Сацума. Сацумские князья не вмешивались во внутренние дела королевства, ограничиваясь контролем над внешней торговлей, королевским двором и верховной администрацией. Тем не менее, культурное влияние со стороны Японии значительно усилилось.

В 1879 г. Рюкю было аннексировано Японской империей и вошло в ее состав как префектура Окинава. Окинаве пришлось довольствоваться ролью отсталой, неразвитой окраины. Необходимость достижения экономического и политического равенства с другими префектурами породила среди части рюкюсцев стремление к ассимиляции с японцами. Идея японской идентичности еще более окрепла в период американской оккупации Рюкю. Стремясь удержать под контролем Окинаву как важный стратегический пункт в АТР, американцы прибегли к политике «деассимиляции», конечный смысл которой сводился к мобилизации этнического самосознания рюкюсцев. Нельзя сказать, что такая по-

литика совсем уж не имела успеха. Но окинавцы в своем неприятии американской оккупации искренне верили, что, только вновь став неотъемлемой частью японской нации, они смогут избавиться от оккупационного диктата. Отсюда подчеркивание своего единства с Японией.

В настоящее время Окинава сталкивается с серьезными экономическими проблемами, постоянный раздражитель — американское военное присутствие. Единство с Японией по-прежнему рассматривается как средство решения всех этих проблем. Вместе с тем, нарастает стремление позиционировать свою культурную отличительность. Культурному ренессансу рюкюсцев в немалой степени способствуют изменения в самой Японии. Здесь все отчетливее проявляется стремление перейти от доктрины гомогенности японского общества к мультикультурному проекту. Закономерным итогом таких перемен было бы признание Японией двойной идентичности рюкюсцев. Пока японское общество не готово к такому признанию, но определенные перемены в этом отношении наблюдаются.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ АВТОРОМ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

Статьи в периодических изданиях перечня ВАК

1. Баженова Ж.М. Средневековое садовое искусство Японии / Ж.М. Баженова // Россия и АТР. — 1998. — № 2. — С. 97—105 (0,7 п.л.).
2. Баженова Ж.М. Страницы истории рюкюского народа / Ж.М. Баженова // Вестник ДВО. — 1998. — № 3. — С. 86—92 (0,5 п.л.).
3. Баженова Ж.М. К проблеме американского военного присутствия на Окинаве / Ж.М. Баженова // Россия и АТР. — 2003. — № 3. — С. 132—138 (0,6 п.л.).

Статьи в научных сборниках

4. Баженова Ж.М. Концепция садово-паркового искусства в Японии и Европе / Ж.М. Баженова // Матер. науч. конф. «Культура Дальнего Востока России и стран АТР : Восток-Запад». Владивосток, 1999. — С. 52—56 (0,2 п.л.).
5. Баженова Ж.М. Каратэ как вид традиционного боевого искусства на Окинаве / Ж.М. Баженова // Матер. VII Дальневосточ. конф. молодых историков. — Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2002. — С. 232—240 (0,7 п.л.).
6. Баженова Ж.М. Шаманство на Окинаве / Ж.М. Баженова // Матер. межд. науч.-практ. конф. «Россия — Япония: диалог и взаимодействие культур». — Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2003. — С. 93—96 (0,4 п.л.).

7. Баженова Ж.М. Окинавский секрет долголетия / Ж.М. Баженова // Матер. науч.-практ. конф. «Здоровье подростков: проблемы и пути их решения». — Владивосток : Изд-во Мед. Ун-та, 2004. — С. 83—86 (0,2 п.л.).
8. Баженова Ж.М. Окинава — Япония: проблемы ассимиляции и аккультурации / Ж.М. Баженова // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций : [сб. ст.] / отв. ред. Тураев В.А. — Владивосток : Дальнаука, 2004. — С. 177—195 (1 п.л.).
9. Баженова Ж.М. Традиционная модель питания рюкюсцев / Ж.М. Баженова // Матер. VIII Дальневосточ. конф. молодых историков. — Владивосток : ДВО РАН, 2004. — С. 225—232 (0,5 п.л.).

Изд. лиц. ИД 05497 от 01.08.2001 г. Подписано к печати 18.11.2006 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,75. Уч.-изд. л. 1,91. Тираж 120 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7.